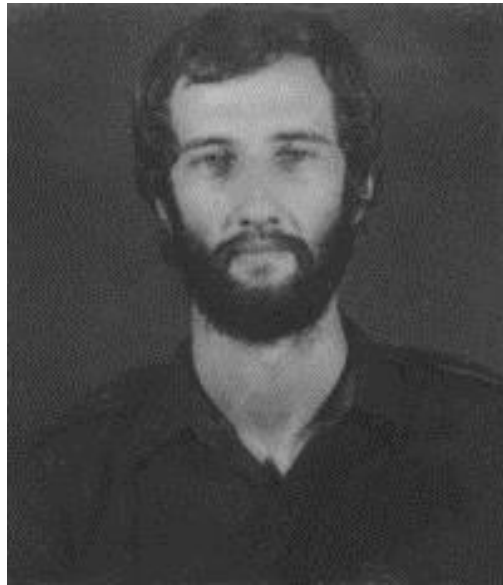

Храмовые времена

Эту статью я написал пару лет назад для тех людей, которые ничего не знают о Рамане Махарши и Тируваннамалае. У меня всё не находилось времени для её публикации. Статья рассказывает о периоде моей жизни, оставившем в моей памяти самые тёплые воспоминания.

Моё паспортное фото 1979 года.

**Это единственное оставшееся фото конца 1970-х гг. с моим изображением.
В храме Канаппы я прожил примерно с октября 1977 по март 1978 года.**

В 1976 году я отправился в Индию с единственной целью – посетить ашрам Раманы Махарши, известного святого, который до самой своей кончины в 1950 году жил у подножья священной горы Аруначалы, расположенной в южноиндийском штате Тамил-Наду. Моим намерением было пожить здесь несколько месяцев (спустя двадцать четыре года я всё ещё здесь), однако по прибытии я обнаружил, что в ашраме, к которому мною был проделан столь долгий путь, посетителям разрешается останавливаться только на три дня. Когда моё время подошло к концу, я начал подыскивать новое место для жилья. Особого выбора не было, поэтому уже через пару часов я поселился в хорошей меблированной комнате, находившейся в доме, к которому примыкало почти полгектара усаженного деревьями сада. Проживание в этой комнате стоило (рвите на себе волосы, городские жители «первого мира») шестьдесят шесть центов в месяц, что хотя и было по тем временам немного дороговато для этого места, но жильё и сад вполне оправдывали дополнительные расходы.

Проведя здесь полтора года приятной жизни и придя к выводу, что оплата этой комнаты создаёт слишком большую брешь в моём скромном бюджете, я нанялся на работу по присмотру за жильём, временно оставленным владельцами; это место находилось примерно в полутора километрах от дома, где я жил. Когда через девять месяцев вернулся владелец, мне пришлось снова

искать себе жильё. В то время я чувствовал зов отшельничества. Меня тянуло в удалённые от любой цивилизации места, где я бы мог спокойно жить и медитировать. Сильнее всего меня манил к себе заброшенный храм, стоявший на скалистом выступе у подножья Аруначалы. Я называю его заброшенным, поскольку в нём не было никакого божества. Очевидно, оно было украдено из храма за несколько лет до моего прихода. Пустой постамент в форме лотоса в задней части храма указывал на то место, где когда-то была установлена статуя, которой поклонялись. Для меня главным было исключительно место, место и место, удобства меня совершенно не заботили. В храме не было ни электричества, ни водопровода, ни двери, пол был покрыт козьим помётом, крыша протекала (я обнаружил это позже), и когда я решил проверить, как я там помещусь, то увидел, что, полностью вытянувшись, я могу лежать только по диагонали небольшой прямоугольной площадки, бывшей единственным ровным местом в этом строении. Но зато из этого храма на несколько километров вдаль открывался чудесный вид на сельский ландшафт, отсюда можно было наблюдать великолепные закаты, и там я был уединён, что, как я полагал, должно было позволить мне мирно жить и медитировать.

**Посещение Храма Канаппы в 1986 году.
Примерно так же он выглядел и тогда, когда я в нём поселился.**

Я нанял двух местных плотников сделать мне дверь, которая надёжно защитила бы меня от воров. Я знал, что проблемы с безопасностью в столь обособленном месте были вполне реальными, даже несмотря на фактическое отсутствие у меня чего бы то ни было ценного и стоящего похищения. В определённых слоях индийского социума считается, что любой иностранец,

живущий в сельской местности – богач, и длится такое убеждение до тех пор, пока ограбление его дома не обнаруживает обратное, но даже и после этого остаются глубокие подозрения в том, что ценное имущество просто припрятано где-нибудь ещё. Примерно через день или около того я перебрался в то, что уже начал считать «своим» храмом. До этих пор у меня никогда не было своей собственной недвижимости. И хотя обзаведение дверью в заброшенном святилище вовсе не делало из меня представителя поместного дворянства, но зато оно определённо вызывало во мне чувство возвышения до более престижного класса – класса имущих.

Есть один анекдот о Боулдере (современном городе в Колорадо), который мне нравится: «Сколько понадобится жителей Боулдера, чтобы заменить одну электрическую лампочку? Ответ: несколько, потому что для этого жители Боулдера просто создадут движение под названием “Борьба с темнотой”». Не имея ни малейшей возможности провести электричество, я решил бороться со своей собственной темнотой путём приобретения керосиновой лампы. С отсутствием туалета я справлялся копанием примерно тридцатиметровой траншеи в лесопосадке, насаженной недавно местными властями и находящейся недалеко от меня. Это был мой личный вклад в восстановление индийских лесов. Утром я там приседал, справлял большую нужду и затем засыпал всё грунтом, выкопанным при рытье траншеи. Следующим утром я перемещался вдоль размеченной линии чуть ниже. После примерно недели следования такому утреннему ритуалу я обнаружил в моей траншее ростки помидоров, проросших из оставшихся неперевавшими и попавших в почву во время моих отправок семян. Спустя три месяца у меня была тридцатиметровая грядка, у которой в «рабочем» конце виднелись всходы, а в противоположном росли спелые плоды. Я до сих пор помню эту радость сбора и поедания первых помидоров с первого куста. Это было так экологично, так естественно.

Что касается воды, то здесь выбор у меня был большой. Метрах в двухстах от храма находился колодец, обеспечивавший меня питьевой водой. Чуть дальше один фермер орошал свои поля с помощью дизельного насоса. Я выяснил график полива и ежедневно там мылся под струёй воды, бившей фонтаном из насосной станции на полутораметровом уровне от земли. В этой части света температура редко опускается ниже двадцати шести градусов по Цельсию даже в середине зимы, так что холодный дневной душ – это почти всегда удовольствие.

Потратив на дорогу ещё пять минут, я добирался до искусственного водоёма с названием Уннамулай Тиртхам. Это название можно перевести как «Святой водоём женщины, чья грудь никогда никого не вскармливала». Женщина эта – Парвати, супруга Шивы, который является главным божеством для большинства жителей этой местности. Гора Аруначала, у подножья которой находилось моё святилище, считается воплощением (а не просто символом) Шивы, то есть, Самим Шивой, и именно в таком понимании ей поклоняются миллионы жителей Южной Индии. Кстати сказать, тиртхамы – это созданные человеком хранилища воды, предназначенной для удовлетворения нужд паломников. В этой части света они напоминают перевёрнутые пирамиды со спускающимися к воде ступенями у каждой из

четырёх сторон. Уннамулай Тиртхам, подпитываемый и наполняемый сезонными дождями, воды которых стекали с западных склонов Аруначалы, использовался как для омовений, так и для стирки одежды. Вода в других тиртхамах этой местности предназначалась только для питья, хотя, чтобы пить её постоянно, нужно было иметь железное самообладание: во всех тиртхамах она покрывалась неприглядным зеленоватым налётом.

Уннамулай Тиртхам был самым большим тиртхамом в той местности, где я жил. Когда его наполняли водой зимние дожди, у меня в нём была почти семидесятипятиметровая дорожка для плавания. Зимой я плавал там регулярно. Причём, при погружении в воду было просто необходимо постоянно двигаться, так как пресноводные крабы всё, что не двигалось в течение нескольких секунд, расценивали как потенциальную добычу. Иногда я отдыхал на небольшом островке – каменном возвышении, выступавшем из воды – и наслаждался видом.

Между ступенями тиртхама и главной паломнической дорогой, опоясывающей гору, стояло великолепное гранитное сооружение, построенное много столетий тому назад. Раз в году божества из главного храма Тируваннамала выносились для участия в ритуальной процессии, которая двигалась по почти тринадцатикилометровой дороге, вьющейся вокруг подножья горы. Примерно через каждые полтора километра процессия останавливалась, и боги помещались во временные храмы, куда приходили местные жители, чтобы им поклониться. То сооружение и было одним из таких временных храмов. Несмотря на то, что его предназначением было выполнять свою функцию только раз в году, к тому же в течение всего лишь нескольких часов, строение это было огромным и величественным. У британского монарха в разных графствах есть дворцы, которые ежегодно используются по назначению на протяжении лишь нескольких дней, но при этом многие из них выглядят такими же впечатляющими, как Букингемский дворец. Здесь же король – Шива, и когда бы он ни захотел отдохнуть, совершая свои путешествия, его всегда ждут пятизвёздочные апартаменты.

Главный вход этого мантапама (так индийцы называют эти сооружения) по всему периметру был обрамлён тонкой работы фризом, высеченным из местного гранита и изображавшим разнообразных персонажей индийского пантеона. Кирпичный купол, венчавший мантапам, начинал трескаться, а фриз начал открепляться от стены. Казалось, он может отвалиться в любую минуту, но только вот прочность местных культовых сооружений в состоянии бросать вызов целым векам порчи и износа. Когда я последний раз осматривал его несколько дней назад, он всё ещё держался на своём месте, презирая законы гравитации.

Когда бы я ни проходил мимо мантапама, я всегда заглядывал внутрь, чтобы проверить, сидят ли на своём месте несколько серо-голубых сов, поселившихся в стенных нишах на почти четырёхметровой высоте. Даже при ярком дневном свете они усаживались на края своих ниш, при этом их лица выглядели надменно и самоуверенно и как бы говорили: «Мы тебя видим, но тебе до нас не добраться». Для меня они были милыми и очаровательными, но уверен, что мнение местных крыс и ящериц на этот счёт было совершенно противоположным.

Раз в два дня в Уннамулай Тиртхаме у меня была стирка. После стирки я раскладывал свою одежду на нагретых солнцем гранитных ступенях для просушки. Некоторые ступени казались сделанными из бывших храмовых колонн, а из них несколько было украшено резными изображениями совокупающихся пар, где партнёры с восторгом на лицах переплелись друг с другом в совершенно невероятных позах.

На сушку моей одежды никогда не уходило более часа. Пока я ждал, я наблюдал движение жизни вокруг себя. С одной из сторон тиртхама крестьяне вели своих коров и буйволов по вымощенному камнем спуску к воде и затем чистили их на мелководье. С противоположной стороны проходившие мимо паломники купались и стирали одежду. У женщин была своя собственная прекрасная техника сушки пяти- или восьмиметровых сари. Женщина, которая имела и носила сари, оборачивала два-три метра мокрой ткани вокруг себя, другая женщина бралась за другой конец сари, и они вдвоём шли по дороге с оставшимся куском мокрого полотна, туго натянутым между ними. Это было чем-то вроде передвижной бельевой верёвки, которую две женщины применяли по назначению на ходу. В таком виде им требовалось пройти всего лишь около километра, за это время ветер и жаркое солнце полностью высушивали ткань.

Для большинства индийских женщин хорошее моющее средство является в какой-то степени роскошью. Подавляющее большинство местного населения до сих пор продолжает удалять грязь из своей одежды, сначала замачивая её в воде, а затем многократно ударяя ею о камни. Небольшое количество мыла может быть использовано, но битьё о камни является главным чистящим средством. Эта техника представляет собой явление общенационального масштаба, и, наверное, это она заставила Марка Твена, пересёкшего Индию около столетия тому назад, задаться вопросом, почему так много индийцев посвящают так много времени попыткам разбить камень с помощью куска мокрой ткани.

На обратном пути к моей святыне я набирал воду из первого колодца и приносил домой два полных бака. Этого было более чем достаточно для готовки, питья и обычной уборки. Для приготовления еды из продуктов, которые я покупал в Тируваннамалае, городке, расположенном примерно в шести километрах от места моего обитания, я использовал керосиновую плитку.

Около двух раз в неделю я закрывал своё святилище и босиком отправлялся делать обход вокруг горы, следуя тому же освящённому временем тринадцатикилометровому круговому пути, которому следовали боги и паломники. Изредка на обочине этой дороги всё ещё можно было увидеть камни-указатели, установленные здесь пять столетий тому назад местным императором для разметки маршрута. Обход горы традиционно делается по часовой стрелке, так что её постоянно меняющийся профиль всегда остаётся справа. Проходя через Тируваннамалай, я покупал всё, что могло мне потребоваться в ближайшие пару дней, и нёс это домой. Я любил эти прогулки. Мне нравились картины и звуки сельской Индии, и, поскольку я был молод, силен и здоров, шестикилометровая дорога домой с покупками никогда не казалась мне тяжким бременем.

Как правило, на прогулку вокруг горы у меня уходило чуть больше трёх часов. Когда же я останавливался у какого-нибудь придорожного святилища для отдыха, или для утоления жажды либо у одного из многочисленных чайных магазинчиков, либо у лотка с кокосовыми орехами, выстроившихся в ряд вдоль дороги, то тогда к моей прогулке добавлялось ещё около получаса. У меня никогда не было никакой необходимости куда-либо спешить. Местный священный текст, описывающий качества, которые человек должен приобрести благодаря обходу горы, говорит, что совершающий обход должен идти медленно, как будто он – королева на девятом месяце беременности. Рамана Махарши, индийский святой, позвавший меня в Индию и приведший к этой горе, иногда тратил на такую прогулку до трёх дней. Это было в 1920-е годы, когда большая часть пути проходила через глухой лес. В те дни всегда существовала вероятность столкновения с леопардом или пантерой. К 1970-м гг. единственными «хищниками», оставшимися на этой дороге, были лишь профессиональные попрошайки, дёргавшие вас за одежду, если вы гуляли в одиночестве.

Считается, что земля, по которой проходит дорога вокруг Аруначалы, является святой. Все идут по ней без обуви, однако это не так страшно, как может показаться на первый взгляд. Большинство людей с Запада, ходящих без обуви только на пляже, до конца проходят маршрут босиком, и у них остаются после этого лишь лёгкие болезненные ощущения. Если пару дней спустя они снова делают обход, то, как правило, никаких неприятных последствий не бывает вовсе.

Приехав в Тируваннамалай, я перестал носить обувь. Я держал на всякий случай под рукой пару сандалий для редких поездок в Мадрас, однако сомневаюсь, чтобы в течение первых лет моей жизни в Индии я носил какую-либо обувь чаще, чем два раза в год. Освободившись от стесняющих ограничений туфель и ботинок, мои ступни постепенно раздались в ширину. Когда я снова решил носить обувь (думаю, где-то в 1980-х гг.), то обнаружил, что увеличение моих ступней в ширину на два размера опередило рост их размера в длину.

Ношение брюк я тоже забросил. Большинство мужчин в южноиндийских деревнях носит дхоти – кусок ткани длиной около полутора метров, который носится наподобие обёрнутой вокруг бёдер юбки. К концу первого года жизни в Индии я роздал всю свою старую западную одежду. Мой обычный наряд представлял собой белое дхоти, белый баньян и отсутствие обуви. Баньяны – это индийские нижние рубахи, похожие на футболки, только с более глубоким вырезом горловины. В течение первого года жизни в Индии у меня имелось всего одно дхоти на все случаи. Когда я жил в своей шестидесятишестицентовой комнате, я снимал его вечером, стирал, вешал сушиться, а утром надевал его снова. Я помню, что дхоти, сделанные из тонкотканого хлопчатобумажного полотна, носились около четырёх-пяти месяцев. Когда они начинали слегка протираться или на них появлялись стойкие загрязнения, я шёл в город и примерно за пятьдесят центов покупал новое. Старое же шло на носовые платки и хозяйственную ветошь.

У меня был друг Майкл, одевавшийся так же. Мы приехали в Тируваннамалай с разницей в один месяц, и оба прожили там много лет. Его

отец был членом британского парламента от Консервативной партии, а дед – шотландским помещиком. Родовым поместьем Майкла был замок на острове Малл из архипелага Гебридских островов. Однажды вечером он пришёл ко мне и сказал, что его родные попросили его встретить в Бангалоре его бабушку, путешествовавшую по Индии, осматривая национальные парки. Мама Майкла попросила его надеть брюки, поскольку не хотела, чтобы его бабушка решила, что он стал эдаким отуземившимся чудаком. Но Майкл тоже отдал свои брюки и теперь пришёл ко мне в надежде, что, может быть, у меня где-нибудь отыщется пара. Но их не было ни у меня, ни у кого-либо из наших друзей. Когда я рассказываю эту историю сейчас, то лишь немногие люди находят её более-менее забавной, у меня же она вызывала тогда просто истерический хохот. Вот такими мы были: группа иностранцев, плоть и кровь Запада, из которых ни один не был в состоянии достать пару брюк даже для крайнего случая.

Сейчас, когда я пишу этот рассказ о событиях двадцатилетней давности, я вижу, что хоть я всё ещё живу у подножья Аруначалы, теперь у меня есть большой дом с пышным садом почти в полгектара. Я набираю этот текст на ноутбуке стоимостью 2000 долларов, фоном звучит опера Моцарта, мои цветы поливает садовник, и, глядя вниз, я вижу, что теперь я ношу брюки. Жизнь ушла вперёд, но я не могу сказать, что те вещи, которые медленно накопились вокруг меня за последние годы, сделали меня более счастливым или более радостным по сравнению тем, каким я был двадцать лет назад. В 1970-х гг. я добровольно избрал для себя непритязательную жизнь, потому что мне нравилось так жить. Это было восхитительное, беззаботное счастье, ничего не желавшее и ни от чего не зависевшее. Это не было аскетическим, самоотрешённым существованием. Это была полнота и радость во всём, что я делал. У меня не было никаких неисполненных материальных желаний.

У индийцев есть такое понятие, как тапас. В широком смысле оно означает тяжёлую аскезу, в ходе которой духовная скверна совершающего её сжигается благодаря физическим испытаниям, иногда перерастающим в добровольное умерщвление плоти. Многие из индийцев, с которыми я общался в 70-х, думали, что, живя в моём крошечном без света и воды святилище, я совершал суровый тапас, надеясь на просветление. Но это было не так. На самом деле я просто наслаждался жизнью, отлично проводя время. Когда я ворошу свои воспоминания о том периоде, то каждый всплывающий в памяти эпизод светится счастьем и юмором. Но был ли я на самом деле настолько доволен и невозмутим, или моя память дурачит меня? Я не знаю, но поделюсь с вами ещё несколькими воспоминаниями, а вы решите сами, чем это могло быть.

В ноябре дождь лил, как из ведра. На крыше моего жилища росло маленькое баньяновое дерево, корни которого проломили каменную кладку крыши, так что в ней образовалось несколько трещин. Сквозь них дождевая вода проникала внутрь, стекала по стенам и останавливалась наконец в большой луже, собиравшейся в самом низком углу каменного пола, на котором я спал. Помню, как во время самых сильных дождей я вычерпывал её ночи напролёт. Я не мог просто подставить ведро для сбора воды, потому что она именно текла по стенам, а не капала с потолка. Нельзя было проспать дольше

одного часа, поскольку, независимо от того, где я мог приткнуться, чтобы поспать, за час лужа разрасталась и успевала намочить мою постель. Я провёл множество бессонных ночей, выбирая воду из этой лужи с помощью большой тряпки (разумеется, это было одно из моих пришедших в негодность дхоти) и выжимая её в ведро. Примерно один раз в час я открывал дверь и выливал за неё воду. Беспокоило или раздражало меня это хоть как-то? Насколько я помню, нет. Это было просто частью моей жизни, и если уж это случалось, то соответствующим образом и разрешалось. Помню, как этот факт вызывал смех, когда я рассказывал о нём своим друзьям, жившим в более пригодных для сна помещениях. Но у меня никогда не было чувства, что он портит моё отношение к этой святыне или даёт повод искать другое жильё.

Мой храм находился на краю нескольких полей, возделываемых только тогда, когда был хороший муссон. Поскольку никто из крестьян-хозяев этих полей не имел оросительной системы, они выращивали арахис, культуру бедняков, дающую малый урожай при минимуме удобрений и небольших осадках. Той зимой шли хорошие дожди, и были большие надежды на обильный урожай. Когда арахисовый орех начал созревать под землёй, крестьяне отправили своих детей охранять поля. Макаки, которые стаями свободно передвигались по этой местности, любили выдёргивать растения и съесть орехи. Работой детей было наблюдать за полями и прогонять каждую пробегающую мимо мародёрствующую обезьянью стаю. Естественно, что наблюдательным пунктом была крыша моей святыни, поскольку оттуда открывался отличный обзор на все поля. Однако она была не идеальным местом, откуда можно было бы воздействовать на обезьян, поскольку спуск по храмовым стенам, а затем по лестнице, ведущей к храму, отнимал уйму времени и дарил обезьянам лишних две минуты на беспрепятственное поедание орехов. Поэтому дети разделились на две группы: одна оставалась в полях, а другая располагалась на моей крыше. Обязанностью группы, находившейся надо мной, было производить как можно больше шума, когда бы она ни завидела обезьян. Делалось это, прежде всего, чтобы привлекать внимание «исполнителей» в полях, но частично также и для того, чтобы добавлять им воодушевления, когда они сразу же после шумового сигнала начинали бросать в обезьян камни. По несколько раз в день шум нескольких детей на крыше, одновременно вскрикивавших и лязгавших железной посудой, выбивал меня из мирной медитации. Так мы счастливо сосуществовали в течение примерно трёх недель. Когда же урожай был собран, мы уселись рядом и все вместе объедались свежесобранными орехами.

В бездеятельные периоды, когда обезьян не было и, следовательно, не было нужды их отгонять, я был единственным развлечением для этих детей. Дайте дистанционный пульт управления телевизором в руки обычного десятилетнего западного ребёнка, и вы увидите, что при достаточно большом количестве каналов продолжительность концентрации его внимания составляет одну или две секунды. Между тем эти дети часами рассматривали меня с непоколебимым вниманием и неослабным интересом, даже когда я не делал абсолютно ничего. Каждое утро пару часов я проводил в медитации, сидя со скрещенными ногами на пороге своего жилища. Дети пристально наблюдали за мной издали, и если через двадцать минут или около того я чесал нос или

слегка двигал ногой, чтобы снять онемение или суставную боль, то снаружи доносился возглас: «Белый человек почесал нос!» или «Белый человек передвинул ногу!» «Валликари», то есть «белый человек» – так тамилы называют светлокожих иностранцев.

Когда же я делал что-нибудь действительно «выдающееся», например, шёл в ближайшие кусты справить малую нужду, то детей это просто осчастливило. И в течение пяти минут возгласы вроде «Белый человек пошёл делать пи-пи!» эхом раздавались по всей округе. Подозреваю, что по приходу детей домой взрослому деревенскому населению представлялся полный отчёт о моих чесаниях носа, двиганьях ногами и естественных отправлениях. Много лет спустя я услышал весьма точное описание моей повседневной активности в храме от человека, жившего в соседней деревне. Я уверен, что до этого я его никогда не встречал.

Я считал это пристальное внимание скорее забавным, нежели докучливым. Когда арахис был, наконец, собран, и мир с тишиной вернулись в окрестности, я обнаружил, что скучаю по этим детям и спонтанным всплескам создаваемого ими шума. Я хорошо их развлекал, а они в свою очередь развлекали меня.

В то время, когда происходили все эти события, я выполнял волонтерскую работу в ашраме Раманы Махарши, находившемся примерно в четырёх километрах от моего жилища. Каждый день я туда приходил, в течение двух часов присматривал за маленькой библиотекой и затем шёл домой. Возвращаясь мысленно к этим воспоминаниям, я могу лишь изумляться тихой неторопливости моей тогдашней жизни. Я мог купить велосипед, что на порядок бы сократило временные затраты, но я решил не делать этого – настолько большим было моё наслаждение от этой восьмикилометровой прогулки.

Моя подруга присматривала за библиотекой по утрам. Когда она уехала на несколько недель, я вызвался прихватить также и её смену. Я занял комнату в ашраме Раманы Махарши, предполагая, что проживу там в течение этих нескольких недель. Дело было летом, и я не видел смысла в том, чтобы дважды в день проделывать путь от моего храма до ашрама и обратно по тридцатисемиградусной жаре. Моя подруга так и не вернулась, и в итоге я прожил в ашраме много лет. С 1978 по 1985 гг. я с головой был погружён в жизнь библиотеки, много работая над её возрождением и расширением. Медитирующий отшельник снова пополнил ряды трудящегося класса.

Я в баньяне и дхоти летом 1981 года на церемонии открытия новой библиотеки Раманашрама.

Библиотека Раманашрама, которой я в итоге заведовал с 1978 по 1985 год.

Пару месяцев спустя, когда я понял, что больше не переберусь обратно в храм, я пошёл туда, чтобы забрать свои, оставшиеся там, пожитки: матрац, кухонную утварь, несколько книг и рюкзак. Подойдя к двери, я упал духом: дверь качалась на петлях. Кто-то сломал замок и унёс всё моё имущество. Так я

подумал вначале. Открыв дверь, я нашёл свои вещи на месте. Единственное, чего не доставало, это дорогого замка, висевшего на двери снаружи. Кем бы ни были те взломщики, они поняли, что единственной вещью, стоившей того, чтобы быть украденной, был именно этот замок, многие месяцы охранявший и защищавший мою совершенно бесполезную и никчёмную собственность. Я засмеялся при мысли о том, насколько же, должно быть, были разочарованы воры, осознав всю мизерность своей добычи. Ещё через несколько недель нагрянули следующие воры и теперь уже унесли когда-то установленную мною дверь. Таким образом, храм был восстановлен до своего исходного заброшенного состояния.

Мне рассказывали, что изначально в этом храме находилась статуя Канаппы, тамильского святого, ставшего известным более тысячи лет тому назад, благодаря тому, что он вынул свои глаза и предложил их Шиве, поскольку ему казалось, что глаза Шивы были повреждены. Это был фокус, иллюзия, инсценированная Шивой, чтобы показать храмовому жрецу насколько преданным был Канаппа. Я ссылаюсь на эту легенду, поскольку у моей истории был странный постскриптум.

Примерно через год после моего выселения из храма несколько членов немецкого благотворительного общества «Шантималай Траст» решили отремонтировать храм и переосвятить его. Вероятно, они планировали сделать и установить там новую статую Канаппы, однако необходимость в этом неожиданно отпала. Когда новость о введущихся работах дошла до Ади-Аннамалая, деревни, расположенной в трёх километрах от храма, вор, укравший первоначальную статую, раскрыл себя и выразил готовность вернуть её обратно. За годы, прошедшие с момента кражи, его зрение ухудшилось до такой степени, что он почти ослеп. Ему была известна история Канаппы, и он считал, что состояние его глаз, близкое к слепоте, является следствием проклятия, посланного ему святым. Подозреваю, что вор хотел сохранить хотя бы остатки своего зрения. И в течение тех недель, когда возвращённая статуя уже находилась на своём месте, его зрение стало улучшаться и, судя по всему, восстановилось, наконец, до нормального состояния. Было ли это просто странным совпадением? Могло ли это быть психосоматическим расстройством, возникшим из чувства вины, или это было, как любят считать местные сельяне, доказательством того, что боги всё ещё милуют и наказывают? Я не становлюсь в данном случае ни на чью сторону, хочу лишь добавить последнее примечание к этой истории. Один иконописец, прослышавший об этом деревенском «чуде», пришёл, чтобы осмотреть статую, после чего объявил, что это была вовсе не статуя Канаппы. Это было совершенно другое божество, не имевшее никакой истории о слепоте в своей биографии.